

В ДОРОГЕ ЛХАСА В КЛЕТКЕ

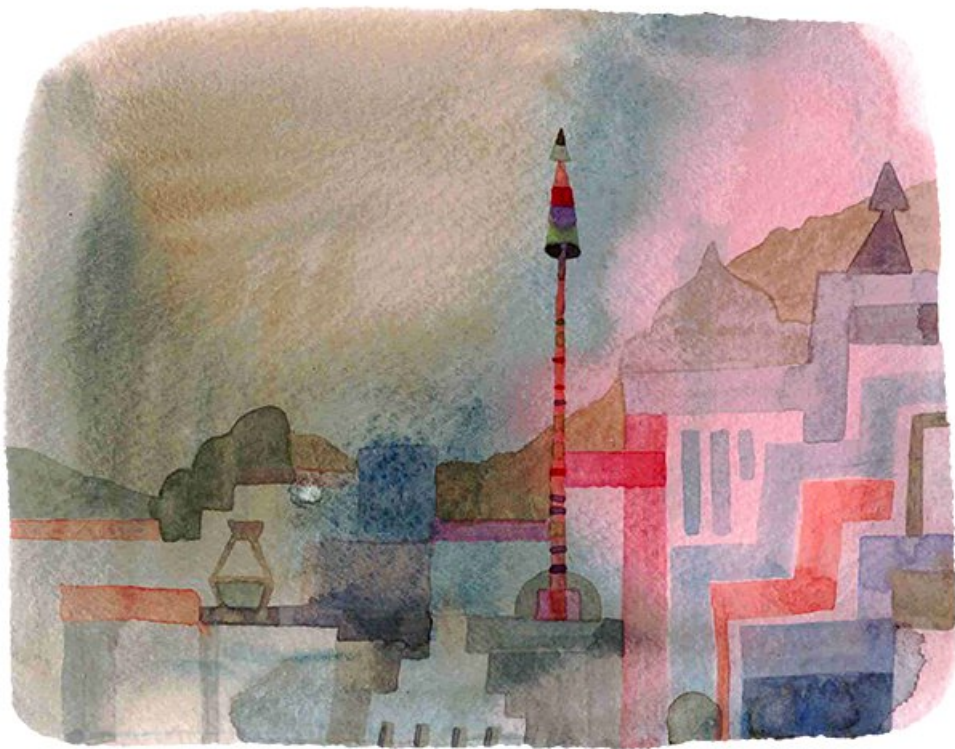
Текст: Иван Дорджиев
Иллюстрации: Юлия Дрובה

23 ноября 2018

Согласно [ежегодному отчёту](#) международной неправительственной организации Freedom House, в 2017 году Тибетский автономный район (ТАР) Китая по уровню гражданских и политических свобод населения занял одно из последних мест в мире. После восстания, жёстко подавленного Пекином в 2008 году, границы региона стали закрываться, и попасть в Тибет извне для путешественников и тем более правозащитников становилось всё сложнее. Помимо отдельных сообщений о самосожжениях монахов и порой гражданских, со времён Олимпиады в Пекине в 2008 году поток новостей из ТАР в прессе постоянно сокращался. Проблемы личных свобод тибетцев и сохранения древней культуры региона почти исчезли из мировой повестки. О том, что происходило в Тибете последние десять лет, по просьбе самиздата рассказывает путешественник и специалист по региону Иван Дорджиев (по просьбе автора и для поддержания инкогнито героев материала имена изменены), с начала нулевых систематически посещавший различные районы Тибета и наблюдавший изменения ситуации собственными глазами. О том, какой была столица Тибета Лхаса до начала тотальной китаизации региона в нулевых и что происходит там в последние годы, — в первом материале большой серии.

Впервые я оказался в Лхасе в самом начале нулевых. Попасть тогда в столицу Тибета было непросто — двое суток тряски по разбитой грунтовке в спальном двухэтажном автобусе, переполненном поголовно курящими китайцами и сигаретным дымом. Но оно того стоило. Автобус высадил меня на площади перед Поталой, дворцом далай-лам. Ослепительное горное солнце било из сотен его окон, от нехватки кислорода слегка кружилась голова. В тот приезд я ещё не умел готовить цампу и масляный чай, метать пращу, петь мантры и копать червь-траву, но сразу понял, что это моё, что здесь я дома. И стал приезжать в Лхасу каждый год.

Уже тогда старая Лхаса была в осаде, в кольце китайских типовых новостроек. Вросшие в землю Тибета древние каменные дома с чудовищной толщины наклонными стенами снисходительно и без страха смотрели на убогие бетонные коробки. Мало кто знал тогда, что их время уже ушло, и на фабриках Шанхая уже собираются бульдозеры, которые сровняют их с землей.

В тот, первый приезд я бродил по кривым улочкам старой Лхасы с утра до ночи. Вдыхал можжевеловый дым курительниц, пил чай с белобородыми торговцами-уйгурами, торговался с амдосцами с высокого плато, которые, если цена им не нравилась, картинно хватались за нож на поясе и сверкали глазами. Цены за минуты могли упасть в десятки раз, а лучшим комплиментом на рынке в Лхасе было «ты жаднее китайца».

По плоским крышам домов бегали дети и играли в салки. Как-то раз я втёрся к ним в доверие — и один мальчик провёл меня через внутренний дворик к лесенке, которая шла вверх. За ней была ещё одна лесенка, и вдруг я оказался выше всех туристов, на крышах квартала Баркор, в самом сердце Лхасы. В три стороны простиралось море сросшихся крыш, а над ним в океане тибетских флажков то здесь то там возвышались позолоченные головы гаруд. Я бродил по крышам, потеряв направление, время, а потом и цель, пока меня не заметили охранники на террасе Джоканга — самого древнего и почитаемого храма Тибета. Они грозили мне кулаками снизу и что-то кричали, но, думаю, не со зла, а чтобы у других туристов не появилось желания последовать моему примеру.

В другой раз я познакомился с монахом Джоканга в тибетской столовой. Это было народного класса заведение, с земляным полом и печкой, которую топили ячьим кизяком. Монах заметил, как я грязными пальцами замешиваю цампу в пиале, и сказал с уважением: «Ты знаешь, как есть!» Он говорил по-английски, а я был очень любопытен, и мы вышли из столовой, прошли кривыми улочками, зашли в Джоканг через чёрный ход, и, не прекращая разговора, оказались на верхних галереях. Вдруг где-то совсем над ухом взревели трубы, и я увидел, как последних туристов провожают на улицу, а огромные главные ворота начинают закрываться. Монах спохватился и утащил меня за рукав в крохотную каптёрку. «Закрытая служба, не для туристов. Как начнётся, уходи в ту дверь, через которую мы заходили в Джоканг», — сказал он и убежал. Свет в каптёрку попадал через щели в одной из стен. Это были даже не щели, а промежутки между брусками. А сама каптёрка оказалась балкончиком, висающим под потолком гомпы — главного молельного зала. Закрытая служба вот-вот начнётся прямо подо мной. Уйти было невозможно.

Затаившись, я смотрел, как движется подо мною сотня начисто бритых голов. Монахи, облачённые в красное, один за другим занимают места на красных подушках, блестящие макушки выстраиваются ровными рядами и замирают. В гомпе устанавливается абсолютная тишина. Минуту спустя её нарушает скрип дверцы где-то сбоку, через которую в зал вваливается старик-тибетец в выдавшей виды одежде, с чётками в одной руке и двумя мешками в другой. Он осознаёт, что нарушил таинство, и немедленно вытягивается во весь рост плашмя, головой к монахам, лицом в пол.

Монахи начинают петь. Чистые и звучные слогги мантр наполняют гомпу. Монахи поют всё громче, всё синхроннее. Воздух вокруг меня буквально гудит, грозные божества смотрят пристально и сурово со стен, сердце колотится бешено. Внезапно широкоплечий настоятель поднимается со своего трона и делает несколько шагов навстречу старику. Тот встаёт на четвереньки и так движется ему навстречу, подволакивая свои мешки. Мешок побольше он передаёт настоятелю, а тот в ответ прикладывает что-то к голове прихожанина. Старик встает с блаженным лицом, развязывает второй мешок и идёт вдоль рядов монахов, кланяется каждому, запускает руку в торбу и вручает пачки красных купюр. Пачки красных 100-юаневых купюр с румяным Мао на каждой. Больше тысячи долларов в пачке при пересчёте на американские деньги. Неприметный хромой старик в засаленных штанах и бесформенной куртке примерно моего возраста. Тибетцы — они очень другие, они как жители Луны. Их можно понять, если начать дышать с ними одним воздухом.

Несколько раз мы приезжали в Лхасу на велосипедах. Ночью, когда свет на улицы падает только из нескольких мутных окон, а хозяйки выплёскивают из окон помой, накопившиеся за день, мы очень любили гонять по закоулкам старого города. Перед глазами словно крутилась архивная киноплёнка, ветер свистел в ушах, и всякий раз я замирал в конце этого опасного аттракциона, когда мы выкатывались на брусчатку Баркора. В воздухе висел стук сотен и сотен деревянных дощечек о камни мостовой.

Вокруг Баркора — центрального квартала старой Лхасы проходит кольцевая улица с тем же названием. Днём на ней полно народу: туристы, продавцы, покупатели, зеваки. Ночью на этой улице тоже много людей, но совсем другого сорта. Все они одеты в кожаные или из плотной ткани фартуки, у большинства на ногах тряпичные унты. На ладонях кожаным ремешком закреплено по деревянной дощечке. Никто не говорит ни слова. Сосредоточенно из раза в раз выполняют они одну и ту же операцию. Поднять руки над головой (дощечки стукнули друг о друга). Приложить ладони ко лбу, горлу, груди. Встать на колени. Поставить руки с дощечками на мостовую, проскользнуть вперёд, вытянуться во весь рост. Встать ногами на место, до которого достали дощечки. Начать всё сначала. Этот ритуал называется простираие, и, согласно тибетскому буддизму, он очень полезен и душе, и телу. Простираются все — от скрюченных ревматизмом глубоких стариков до девочек со школьными ранцами на спине. Это не гимнастика, это — буддийская заслуга, твой ориентир на Пути. Я простираюсь, следовательно, я на пути к будде. Колечко по Баркору перед сном — это «плюс в карму» в самом прямом смысле.

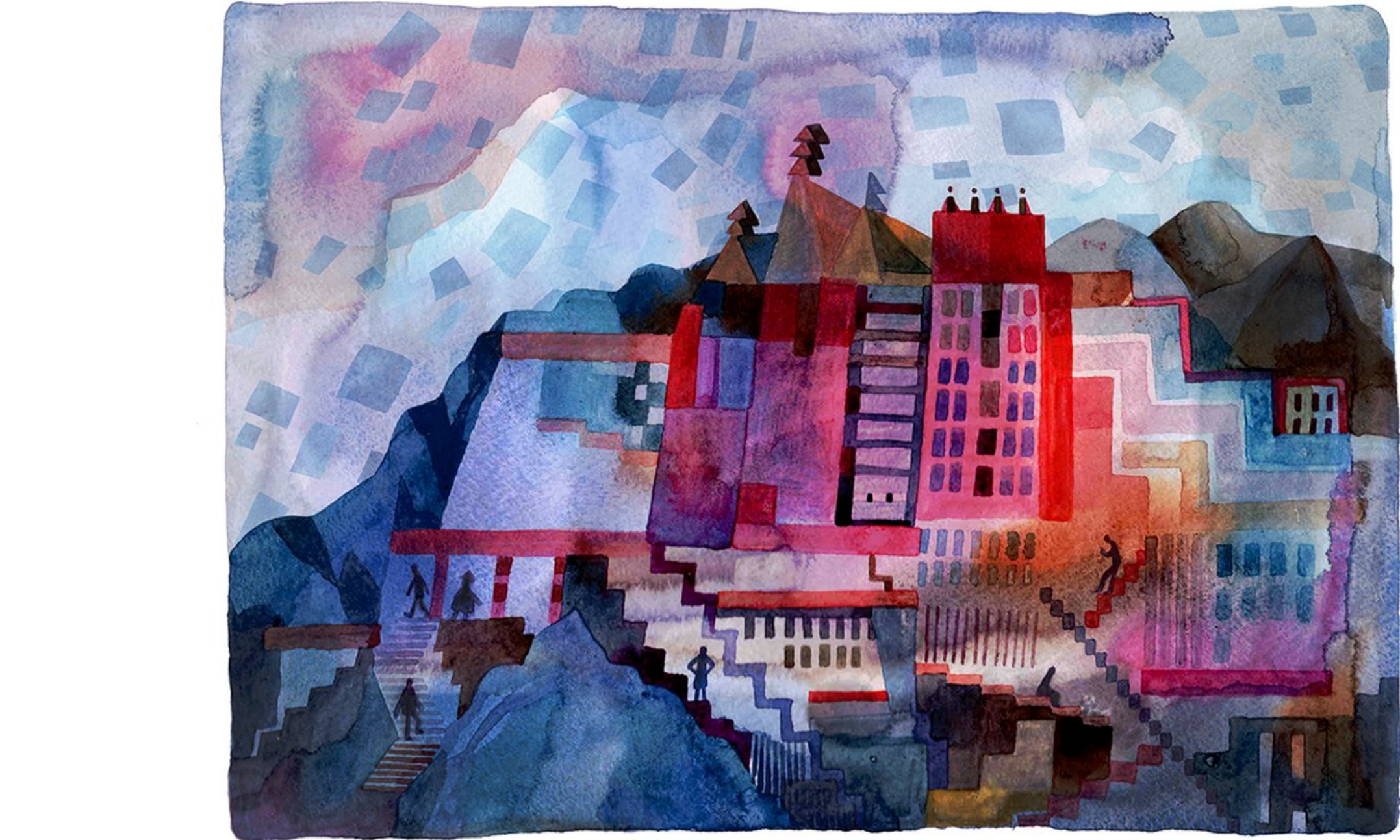
Тогда, в нулевых, когда тибетцам ещё не запретили покидать свой район без письменного разрешения властей, на дорогах Тибета вдали от любого жилья можно было встретить удивительные процессии. Несколько человек в протёртых до дыр фартуках из толстой кожи простирались по дороге, всегда в направлении Лхасы. У каждого — пропылённый колтун волос на голове и улыбка во весь рот. За ними тянулся обоз сопровождения: караван яков и несколько человек, которые заботились о том, чтобы простирающиеся были накормлены и спали не под открытым небом. Целью процессии был Джоканг, где все участники этого марфона духа должны были прикоснуться к статуе Будды. Часто путь до Лхасы занимал более года.

Со временем у меня появились друзья в Лхасе, в том числе тибетцы. Мы часто обедали в ресторане «Сноуленд». Там недорого и вкусно готовили, а ещё он был известен всему миру, потому что в Lonely Planet возглавлял список рекомендуемых заведений столицы Тибета. В «Сноуленд» стекались удивительные путешественники со всего мира. Люди, которые ценили трудности, неочевидные маршруты и грандиозные цели, приезжали и отвисали там. Достаточно было прислушаться к разговору за соседним столиком, понять, что человек тебе интересен, подсесть и начать с ним разговаривать. За день можно было услышать невероятных историй на целую книгу. Иногда нас всех выгоняли на улицу глубокой ночью, когда ресторан закрывался, и мы шли на площадь к Джокангу, садились на ступеньки и продолжали болтать под стук сотен деревянных дощечек.

В 2007 году я приехал в Лхасу и первым делом зашёл в «Сноуленд» подкрепиться после долгой дороги. Там сидел мой приятель-американец, который прожил в Тибете десять лет и свободно говорил по-тибетски и по-китайски. Он был мрачен и пил что-то крепкое. Вместо приветствия он взял меня под локоть и повёл к себе в номер. Когда мы дошли, он ещё раз выглянул в коридор, закрыл дверь и сказал: «Теперь везде уши, вообще везде». В тот же день я увидел бесконечную колонну военных грузовиков, ползущую в город с севера, из Цинхая.

Мы с моими друзьями-тибетцами перестали ходить в рестораны и встречались только у кого-нибудь дома, часами обсуждая ту историю, когда американцы сняли в апреле видео с флагом Free Tibet под Эверестом и выложили в сеть. Тибетцы считали, что те только о себе думают. Если бы не они, ничего этого сейчас бы не было. И ещё игры — Олимпийские игры в Пекине в следующем году. Из-за них китайцы совсем взбесились. Только бы дотерпеть до них — дальше всё станет как было. А может, и лучше: Далай-лама уже ведёт переговоры с китайцами. Хотя он всё говорит про Тибет в составе Китая, а это — наша страна, Free Tibet! Эх, вот если бы не эти двое американцев!

Раз, совершенно ословевший от дум о будущем Тибета и табачного дыма, я вышел на улицу с одной из девушек, Деки. Мы немного побродили по старому городу, вспомнили пару историй прошлых лет, даже посмеялись от души. Случайно или нет, мы оказались на площади перед Джокангом. Деки остановилась около входа и спросила: «Ты уже был внутри?» — и, не дожидаясь ответа, потянула меня за собой.

Внутри Джоканга всё было не так, как я привык. Сначала мне показалось, что там установлены строительные леса и мы должны пройти под ними. Но леса не кончались, а глаза постепенно привыкали к темноте храма. Это были не леса, а длинная и узкая металлическая клетка. И мы были внутри неё. Клетка отстояла от стены примерно на метр и вела напрямик к основной достопримечательности храма — статуе Будды Джово Шакьямуни. Там здоровенный монах давал прикоснуться к одеянию статуи и отработанным движением выталкивал посетителя в другую клетку, которая вела на выход.

Мы вышли обратно на площадь. Я был раздражён увиденным и тут же выложил Деки всё что думаю про китайцев, права человека, толкотню в узкой клетке и бесцеремонного монаха у самой важной статуи всяя Тибета. Деки подняла на меня глаза. В её глазах стояли слёзы. «Ты ничего не понял, — сказала она неожиданно твёрдым голосом и снова потащила меня ко входу в клетку. — Я тебе покажу».

Теперь мы стояли, прижавшись к прутьям, и пропускали мимо себя поток тибетцев и туристов. «Смотри», — прошептала Деки. Я огляделся и увидел, что есть и другие люди, тибетцы, которые не идут к статуе. В паре метров от нас коренастый мужичок втиснул лицо между прутьями и бормотал мантры, вперившись в стену. У другой стены клетки на боку лежала бабушка в неудобной позе и протягивала руку с чётками куда-то в пустое пространство за стальными прутьями. Были и другие, которые останавливались ненадолго, просовывали руки сквозь решётку, что-то говорили очень тихо и шли дальше.

Деки снова зашептала: «Джоканг — великий храм. Не потому, что он очень старый, а потому, что здесь проявляются все защитники буддизма. Поэтому он пережил самые трудные для Тибета времена. Видишь, там на стене танцует красная богиня?» Из-за клетки к стене было не подойти, и света на неё почти не попадало. Но я на всякий случай кивнул. «Нет, ты не видишь, — невесело улыбнулась Деки. — Смотри ниже, на уровне колена». Я вгляделся и увидел в многофигурной росписи фигурку красной женщины, довольно грубо нарисованную и покрытую копотью. «Это Дордже Пагмо, Алмазная Веприца. Она самопроявленная». Видя, что я не понял, Деки продолжила: «Её никто не рисовал, она появилась здесь сама. Чтобы помогать людям и хранить учение Будды. В Джоканге много кто самопроявился, и люди всегда, всегда приходили к ним и могли получить благословение. Иногда люди простираются издалека, из Чамдо, из Гьянцзе, из Цоны, целый год ползут, чтобы войти в Джоканг и получить благословение одного из них. А сейчас это невозможно, нас отрезали!»

Снова слёзы в глазах, но уже без твёрдости в голосе. «А ещё вот смотри: там, далеко, на полу — углубления в камне. Там проступает синдура, она лечит. Надо обмакнуть в неё палец и съесть немного. Эта старушка, которая лежит, она пришла сюда за синдурой — и теперь не может достать». От руки старухи до углубления в камне было метра полтора, а то и больше. А она всё лежала на боку и тянула свою руку туда, куда столько веков было можно. Теперь уже я чувствовал какую-то стыдную беспомощность. «Ты не понимаешь. Мы все, тибетцы, ходили сюда как в свою семью, в свою сангху. Если тебе плохо или трудно — здесь выслушают и успокоят. Это очень, очень, очень важное место». Она больше не могла говорить, и я протолкался обратно против толпы, вытащив её за собой на улицу.

Потом я сидел на каменных ступеньках и думал о словах Далай-ламы. Он называет происходящее сейчас с тибетцами культурным геноцидом. Наверное, он сам придумал этот термин, и многие люди считают, что он использует звучные и страшные слова для достижения своих политических целей. А я знаю, что именно это и происходит с тибетцами на самом деле. Убивают не их тела, а культуру, которая является для тибетцев буквально всем. Убери её — и не станет тибетца.

Я уезжал из Лхасы растерянный и запутанный. Я не мог ни до конца поверить в то, что увидел, ни выкинуть это из головы. Ну ничего, говорил я себе в тысячный раз, китайцы побесятся и сдадут назад. Всё будет как было. Но в марте 2008 года в Лхасе вспыхнуло восстание.

14 марта у монастыря Рамоче собрались монахи, в годовщину бегства Далай-ламы из Тибета. Их жестко разогнала полиция, тогда в тот же день на улицы вышли обычные тибетцы и принялись крушить лавки китайцев и дунган. Партия и правительство ответили массовыми арестами и убийствами. Полиция получила право врваться в любой дом и проводить обыск без ордера. Мои тибетские друзья перестали отвечать на звонки и письма.

Я вернулся домой, а голова осталась в Тибете. Ничего не мог с собой поделатъ. Прочитал всё, что смог найти из новейшей истории, в частности ежегодные дайджесты Freedom House, посвящённые Тибету.

Ещё до 2007 года, во «время золотое», Freedom House определял рейтинг человеческой свободы тибетцев как наиниžший из возможных по всем параметрам. Рейтинг по всем странам уточняется каждый год, и на сегодняшний день впереди осталась только одна страна — Сирия. Freedom House подробно поясняет, за что выставлена та или иная оценка. Я читал эти дайджесты и узнавал то, что видел сам, своими глазами, но понимал совершенно превратно. Я думал, что после стольких лет путешествий и сотен, а то и тысяч километров, пройденных по этим местам, я знаю Тибет. Но только теперь я что-то узнал про него.

ний телескоп Солнечной системы», но проиграли бюрократии, быту и нехватке

f vk

Текст
Иван Дорджиев

Иллюстрации
Юлия Дрובה

f

Bë

«ТЫ ВЫШЕЛ НА РИНГ, ТЕБЯ СЛОМАЛИ»: КТО И ЗАЧЕМ СОБИРАЕТ БОЕВЫХ РОБОТОВ В РОССИИ

Самиздат выяснил, что в голове у владельцев боевых роботов, можно ли заработать на битвах и есть ли в робототехнике место сексизму

Как мы с трудом полюбили Instagram, почему он сначала не понравился, потом мы его поняли, а затем он сформировал язык и привычки миллиарда человек

В нашем подкасте «Сказки для взрослых» лучшие дикторы читают короткую прозу: от неприличных русских сказок до кровавых индейских, от Чапека до Хармса.

Читательница самиздата рассказывает о работе одного НИИ, где исследуют удивительный мир тёмной микробной материи не только при помощи микроскопа

По случаю премьеры документального фильма «Маккунт» самиздат разберётся, как тихий любитель собак из простой семьи поставил на уши мировую моду

Автор самиздата рассказывает, почему невозможно покинуть обычный подмосковный посёлок с ведьмами, вьетнамцами, серебряным Лениным и танцами на костях

Всю золотую осень главный редактор «Глаголев FM» был в творческом отпуске в Берлине, но радио продолжало работать, и вот вам лучшие подкасты октября

Почему школьники идут в стендап, если в зал не пускают без родителей, и что происходит, если одноклассники узнают тебя на видео с открытых микрофонов

Что это такое?

Теодор Глаголев

Редакция

Наши друзья

Магазин

Та самая история

ПОИСК

Найти то, что потеряно

Подписаться на еженедельную рассылку от ордена «Батенька, да вы трансформер» — каждую неделю мы учим вас выживать

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

